

Александр Григорьевич
Бестноватый
А.Б.

отлещник
М.М.Д.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

КНИГИ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА
В "ОПЛЕШНИКЕ"

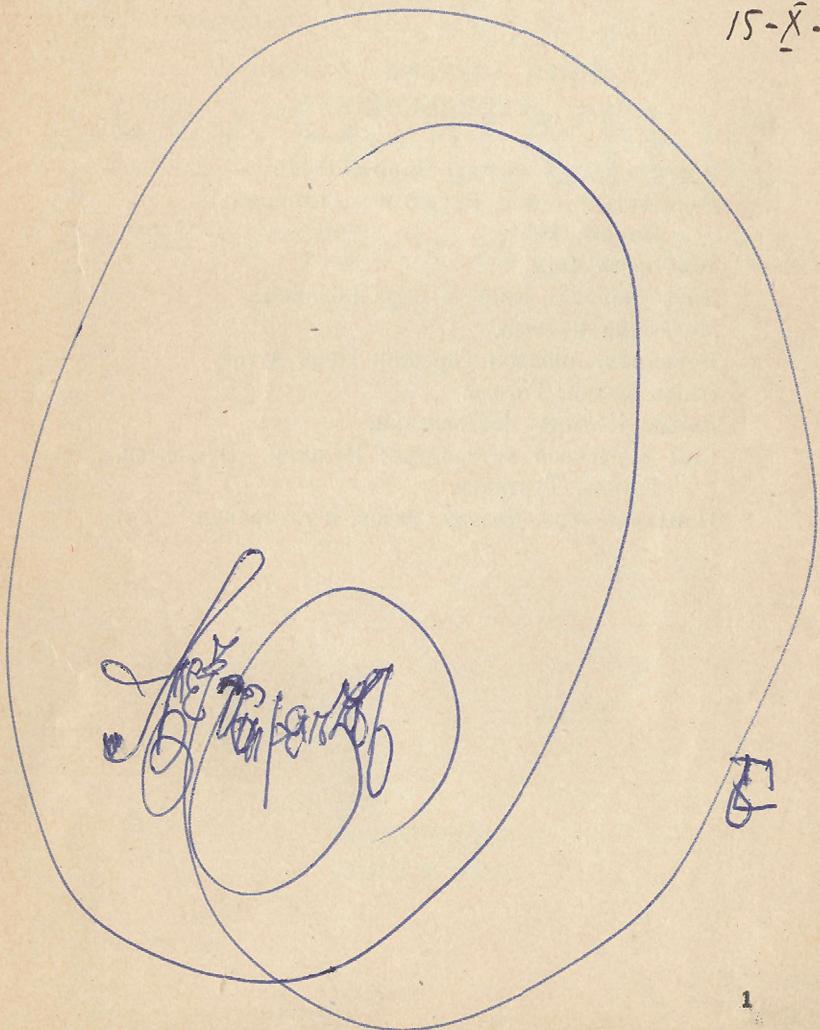
Повесть о двух зверях. Париж, 1950.
Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония.
Париж, 1951.
Тонь ночи. Сны.
Круг счаствия: книга о царе Соломоне.
Мелюзина и Бова.
Брунцвик, Аполлон Тирский, Царь Агтей.
Огонь вещей: Гоголь.
Звезда Полынь: Достоевский.
Сны в русской литературе: Пушкин, Лермонтов,
Гоголь, Тургенев.
Павлинье перо. Девять сказок, и татарская.

БЕСНОВАТЬЕ
САВВА ГРУДЦЫН И СОЛОМОНИЯ

ОПЛЕШНИК
ПАРИЖ 1951

Константину Александровичу
Федину

15-X-57

ПРИМЕЧАНИЕ

Из всех старинных русских повестей “Повесть о бесноватой Соломонии” XVII в. — самая демоническая и самая документальная — живая жизнь с живой верой, и только по своему необыкновенному материюлю полна фантастики. Повесть известна по двум спискам — Костомаровскому и Буслаевскому, напечатана у гр. Кушелева-Безбородко в “Памятниках старинной русской литературы”, СПБ. 1862-1864. А составлена повесть на основании исповеди Соломонии и свидетельских показаний. Устюжский поп Иаков в 1671 г. взялся за обработку этого фактического материюля для сочинения “о чуде устюжских юродивых Прокопия и Иоанна”.

Поп Иаков держался “древнего благочестия”, но дара любви протопопа Аввакума к “природному русскому языку” не имел и повесть о чуде исцеления бесноватой, насколько это было возможно, — уж очень материал — то живой, никаким высоким книжным слогом невыговариваемый, — написал книжно и довольно-таки путанно. Да и как было не спутаться? Много ли понимала бесноватая из того, что с ней происходило? Не больше пони-

“Аннархия” и “Материяль” — тоже ведь
не “Протопопа Вульфа” ^{Зояк},
а некий ^{Лихий} антиутопист.

мал и духовник. Откровенная исповедь, и все, конечно, "просторечием", бредовая и притом сексуальная: сколько труда было Иакову перевести на приличную, т. е. на книжную речь всю эту "похабную" околосицу. Ведь это же редчайший случай — повесть о явлении фалла, принимающего разные образы, чтобы мучить свою жертву. А Соломония — жертва, принесенная фаллу.

Четырнадцатилетнюю девочку, духовно настроенную, выдают замуж за "пастуха" — повесть начинается с брачной ночи. Все ее существо с первого прикосновения потрясено, разодрано, — и вот фалл принимает зрительный образ "змия", потом "зверя", потом расчленился в незнакомых молодых людей и, наконец, в множество голых маленьких фаллов—"головастиков" и эти скользкие, навязчивые, неотступные головастики начинают свою "мученическую" работу.

И у потерпевшей и у записывающего духовника все свелось на бесов — "врагов рода христианского". Да, на какой-то грани эти фаллические демоны, вышедшие из семенной туманности этой жизни всего живущего, Розановской "Кукхи", Гоголевского "Вия", "Тарантула" Достоевского, да, враги, но как и почему и где начинается заклятая вражда, эти вопросы в голову не приходили ни духовнику, ни исповеднице. А между тем, даже в том виде, как вышла повесть в обработке попа Иакова, она глубоко символична и через символы дает на многое ответы.

И это совсем не спроста муж Соломонии — пастух: "пастырь" в языческом значении, т. е. одаренный в высшей мере семейным даром: и совсем не зря и, конечно, не по городу Ярославлю имя той "Ярославки", которую встречает Соломония в своем видении поддонного царства "Вия" — "вверху которого, едва ли носится Дух Божий",

и которой “это можно”, а вот таким как Богуславка, Феодора и как Соломония “этого не только нельзя, но и гибельно”. Не спроста и все числа и сроки, упоминаемые в повести, и полна мистического смысла вся история с “демонскими именами” и “именем Божьим” — Иисусовой молитвой.

Поп Иаков, сочиняя о чуде, едва ли отдавал себе отчет о тех тайнах, о которых наговорил со слов “бесноватой”. А пользуясь шаблонами, подвел под бесов эпизод с “лесными бесами”, где никакого демонского духу, а просто озорство над подгулявшим духовенством и по подлости человеческой издевательство над несчастной бесноватой Соломонией.

разобратить
привлечь
пастырь
“выход из
всей засады”
новое поколение